

ОЛЬГА
ГУЦЕВА

НА КОСТЯХ МЛАДЕНЦА

Что может заставить женщину убить собственного ребенка? Разве материнский инстинкт не самый сильный в мире? А само материнство не путь самоотречения и самопожертвования? С этим и придется разобраться следователю Екатерине Николаевой.

Ольга Гуцева НА КОСТЯХ МЛАДЕНЦА

Глава 1

Детская одежда исчезла. Пару минут я стояла в ванной, глядя на веревки для сушки белья, словно надеялась, что пропажа каким-то волшебным образом снова материализуется в положенном месте.

Я точно помню, как я его развешивала. Да. Вчера ночью. Я дождалась завершения стирки, вытащила детские вещи в тазик...

Господи, я что, оставила их в машинке?!

Ястребом я метнулась к своей белоснежной помощнице, которая, несмотря на двадцать первый век и развитие нанотехнологий, так и не научилась развешивать белье сама. Но стиральная машинка была пуста.

Я привалилась к прохладному корпусу и сделала глубокий вдох. Я закидывала стирку. Клянусь, я действительно ее закидывала. Да, я была немного расстроена, немного зла и жутко задерганная, но я действительно постирала детские вещи!!!

— Мааам... — раздался из детской жалобный голос Вареника.

— Иду! — крикнула я, лихорадочно соображая, что делать.

Мне нужно срочно переодеть ребенка. Запасная одежда из шкафчика в детском саду оказалась грязной, потому что, после предыдущего конфуза, Слава передел дочку в чистое, а испачканную одежду зачем-то положил обратно в шкафчик. И сегодня воспитателей ждал неприятный сюрприз.

И я не виновата, что стирка копилась целую неделю! Черт, это ведь только кажется, что забросить вещи в машинку — минутное дело...

Стопка белья лежит на гладильной доске.

Я похлопала ресницами. Нет, это не галлюцинация. Детские вещи, аккуратно сложенные, лежат на гладильной доске. А рядом записка. Ах, как же я раньше не догадалась!

«Татьяна, я постирала детские вещи и отутюжила. Варваре нужно купить новые трусики, в этих кожа плохо дышит».

Свекровь. «Помогла мне». Почему в кавычках? Потому что, она сняла уже постиранные вещи с веревок и снова их перестирала, только вручную! И теперь искренне считает, что я буду до конца жизни ставить свечки за ее здоровье.

К сожалению, времени на рефлекссию не было. Я подхватила одежду и побежала в детскую. И

очень вовремя. Потому что Лада как раз решила подстричь сестре волосы!

— Лада! А ну, положи ножницы! Кто разрешил брать?!

— Мне Мария Николаевна разрешает. — сослалась дочка на воспитательницу. — И у меня хорошо получается стрижки делать!

Свидетельством этого была одна из кукол, с прической «ежик».

Я вздохнула и, переодевая одну дочку, спросила вторую:

— Куда ты дела волосы куклы?

Лада надулась и промолчала. Наверняка куда-то спрятала. Хорошо бы узнать куда, прежде, чем их найдет мой персональный ревизор, перепроверяющий за мной все домашние дела.

На счастье провинившейся, у меня зазвонил мобильник:

— Алло?

— Тань, привет. — вполголоса сказала моя коллега Лариса. — На тебя тут Клопик жалуется.

— Что такое? — встрепелась я, помогая Варенику засовывать руки в рукава пижамы.

Клопик — наш начальник, прозванный так за невысокий рост и любовь к кровопийству.

Не давая Ларе ответить, я затараторила в трубку, лихорадочно пытаюсь вспомнить, включила ли я компьютер, когда вернулась:

— Что, клиент звонил? Пусть позвонит мне через скайп, я сейчас выйду в сеть...

— Да нет никаких клиентов. — успокоила меня коллега. — Тихо все.

— Тогда в чем дело?

— Он просто недоволен, что ты ушла раньше.

— Но Тома меня отпустила! И, потом, я на связи! И не только в течение рабочего дня, но и много позже! — выпалила я в панике, хотя понимала, что уговаривать надо вовсе не Лару.

Но та ответила:

— Это Суздальский. Он на тебя наябедничал. Что ты требуешь для себя особых условий.

— Вот ведь...! — я не закончила предложение, так как в комнате присутствовали дети. — Он каждый день на сорок минут опаздывает, «потому что пробки»! Курить уходит каждый час! На рабочем месте развел помойку! Из-за него двух секретарш поменяли, опасаясь личной мести! Да что ж это такое!

— Зато, он не берет больничные, — сказала коллега.

— Еще как берет! После каждой попойки!

— Это не он, это Клопик потребовал. А то Суздальский додумался придти на работу с перегаром. Ладно, Тань, я тебя предупредила, так что готовься.

Лариса отсоединилась.

— Ма-ам... — протянула Лада. — Мы кушать будем?

— Конечно, будем. Переоденься пока. — я протянула ей домашнюю одежду, взятую из стопки перестиранного свекровью белья.

Затем пошла посмотреть на свой ноутбук. Конечно, тот был выключен. Значит, все-таки, не включила, когда пришла. Вот тебе и «все время на связи»! Клиент позвонит, а я ему «подождите, у меня обновления грузятся».

За этим самобичеванием я чуть было не забыла ткнуть проклятую кнопку, потому что мысли уже плавно начали перетекать на тему «что у меня из еды в холодильнике?». На всякий случай, взяла ноут и телефон с собой на кухню.

А там меня ждал неприятный сюрприз. Свекровь не только перестирала белье, но и провела ревизию в нашем холодильнике. То есть, повыкидывала в помойку все, что было из готовой к употреблению пищи, подумав, что это уже «несвежее»! А чем я детей буду кормить, она не подумала?

И пришлось мне срочно играть в «кулинарный поединок»: за полчаса приготовить из имеющихся продуктов три блюда. Для двухлетнего ребенка с больным животиком, для пятилетнего ребенка со здоровым, но капризного, и для

тридцатитрехлетнего ребенка, но самого капризного.

Минут через пятнадцать на кухню зашла Лада и начала жаловаться:

— Ма-ам, чешется...

— Что?! — перепугалась я.

В голове пронеслось: «Господи, господи, лишь бы не ветрянка!». И, каюсь, я беспокоилась не за детей, им как раз хорошо переболеть ветрянкой в детстве. Я боялась за себя, я-то в детстве не болела! А взрослые ветрянку переносят очень плохо. И меня точно уволят с работы.

Дочь почесала спину:

— Чешется...

— Покажи! — я задрала ей рубашку и ахнула. — Да что же это такое?!

Спина была вся красная! Но о причине я догадалась сразу: свекровь перестирала вещи не тем порошком. Детскую одежду я всегда стирала отдельно, потому что у Лады высыпает почти на все известные порошки! Для нее у меня есть гипоаллергенный, но он стоял в шкафу, да и бабушка не привыкла заморачиваться по таким пустякам. Детскую аллергию она до сих пор считала блажью и утверждала, что в ее время никаких аллергий ни у кого не было. Ну и бред.

— Снимай, скорее, — велела я дочке.

— Мама, а что ты жаришь? — к счастью, очень вовремя спросила Лада.

А иначе, чей-то ужин оказался бы сгоревшим. Хотя, кого я обманываю? Конечно, эта тарелка досталась бы мне. Нет, не так. Эту тарелку я оставила бы себе. А иначе меня закидают камнями. Ведь материнство — это ежедневный труд и самопожертвование.

— Ма-ам, когда есть будем? — вернул меня к реальности ребенок.

* * *

А дальше начался кошмар. Варе стало лучше, а вот Ладу наоборот начало рвать. Кажется, ротавирус. И именно в этот момент клиенты решили, что давно не общались со своим любимым менеджером. В итоге, мне пришлось сидеть у постели Лады, с ноутбуком на коленях и трубкой в одной руке, а второй отбиваться от Вареника, которая, чуть полегчало, сразу начала мамкать и пытаться что-нибудь ткнуть на клавиатуре.

Как только минуло семь часов, я начала с надеждой поглядывать на входную дверь. Вот-вот должен вернуться Слава. Но его все не было. И тут у Вари разболелся живот со всеми вытекающими неприятными последствиями. Начался цирковой этюд под названием «Пишу тз и одновременно

пытаюсь впихнуть в рот ребенка регидрон». В кратких промежутках между боями местного назначения, я как одержимая набирала номер мужа.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

— И меня с собой возьми... — простонала я.

Ну почему я никогда не могу выйти из зоны действий? Я всегда в их эпицентре.

К счастью, в этот момент пришло избавление в лице моей мамы.

— Баба! — прокричала Варя.

— А вот и мой Вареничек! А где же наша Оладушка? — ласково проговорила мама.

— Там, — я ткнула пальцем в сторону детской. — Мамочка, займи их, пожалуйста, очень работы много.

— Кому там нейдет в восьмом часу? — недоумевала мама.

— Клиентам...

— Очень невоспитанные клиенты. Надо понимать, что есть такое понятие — рабочий день.

— Мам, в наше время клиентам благодарны только за то, что они есть. — устало ответила я.

— А что твой начальник об этом думает? Будет оплачивать сверхурочные?

— Нет, он собирается меня уволить за профнепригодность.

— Как?! Ты же весь вечер на него тратишь!

— Он считает, это потому, что я не умею справляться со своими обязанностями в оговоренный срок.

— Таня, мне это не нравится, — строго сказала мама, — Почему ты не проявишь характер?

— Мама, у меня двое детей садиковского возраста, которые постоянно болеют. Какой еще характер я должна проявлять?

Тут родительница решила сменить тему, но, увы, следующая тоже была не из самых приятных:

— А где Слава?

— На работе задерживается. — соврала я.

— Так много работает и так мало получает... — как бы невзначай отметила она.

— Мам, позанимайся с детьми, ладно? — попросила я.

Кстати, дети, как назло, и не думали вмешиваться в наш разговор, наоборот, с интересом следили за тем, как я оправдываюсь.

А мама поделилась еще одной информацией:

— Кстати, мне тут Элеонора Борисовна хвасталась, что Слава собирает машину покупать, за два миллиона...

В этот момент я пожалела, что носы начинают расти только от вранья. Почему бы не ввести такое же правило для неудобной правды? Ну, кто мою свекровь за язык тянул! Да, ее дорогой сын, получив повышение, решил исполнить свою мечту

и купить дорогую машину. Проблема была в том, что его семья, то есть я с детьми, живем в старой хрущевке без лифта. Да-да. Но мне уже все равно. Я двоих детей в детской коляске на своем горбу оттаскала на пятый этаж. Теперь они выросли, и мне плевать. Я займусь проблемой жилья как-нибудь потом. Как только пройдет кризисный момент. Если я его вообще переживу, а то, иногда мне кажется...

— Баба, почитай книжку! — позвала Лада из комнаты.

— И сказку показать! — добавила Варя.

— Сказку не показывают, ее рассказывают, — поправила мама внучку.

— Показать. — ответила дочка.

— Варюша, сказку не показывают...

Я вмешалась и «перевела»:

— Сказку про козлят.

— А! Таня, а ты ее логопеду показывала?

— У них есть в садике.

— Я знаю, что есть, но ты с ним говорила?

К счастью для меня, в этот момент зазвонил мобильник, и я сбежала отвечать.

* * *

Слава вернулся только в одиннадцатом часу. И, увидев мою маму, не придумал ничего умнее, как скривить физиономию:

— А, вы у нас... Не знал. Мы вроде на сегодня не договаривались гостей приглашать. — сказал он с нажимом, намекая на наше соглашение.

Соглашение заключалось в том, что после работы мужу хотелось отдохнуть (читай, посидеть за компьютером), поэтому он был против, чтобы дома находились «посторонние». Причем, под эту категорию подходила только моя мама. Его мама «сама пришла, я же ее не звал!».

Незваной гостье, естественно, такое положение дел не понравилось, она скрестила руки на груди и грозно спросила:

— Между прочим, девочки заболели. А у Тани много работы. И, позволь узнать, где это ты был?

Слава небрежно дернул плечом:

— Зашли в боулинг с ребятами.

Я примерно так и предполагала, но моей маме мог бы и соврать.

Мама проговорила с обличительным пафосом:

— Значит, Таня тут зашивается с двумя детьми и работой, а ты по барам ходишь?

— В боулинг. — поправил ее муж. — Я не знал, что девочки заболели.

Но мама не отставала:

— А что у тебя с телефоном, интересно?

Слава нехотя вытащил аппарат и включил его. То есть тот был отключен. Ну да, очень удобно. Муж посмотрел на экран, где, по-видимому, высвечивалось энное количество пропущенных вызовов от меня:

— Выключил, чтоб не мешал, а включить забыл... — небрежно оправдался он.

— Ну-ну. — сурово сказала мама.

Слава тут же вспылил:

— Валерия Ивановна, а можно я не буду перед вами оправдываться, а? Я все-таки в своем доме!

— А я, значит, тут в гостях?! — взвилась мама. — Ухаживаю за твоими детьми, пока ты развлекаешься!

— А вас никто не просил! — огрызнулся муж.

Ну да, я же мать, как я могу просить о помощи с собственными детьми?

А спор продолжался:

— Я пришла к своей дочери!

— А я пришел к себе домой!

Надо было вмешаться. Но нейтралитет удержать не получится. В любом случае, кто-нибудь один на меня обидится. А, возможно, и оба. Но проблема была в том, что я отчаянно нуждалась в маминой помощи. Было ясно, что завтра девочки в сад не пойдут, а снова брать

больничный я не могу. Но если я сейчас встану на сторону Славы, то мама откажется с ними сидеть!

Но я понимала мужа. Я сама терпеть не могла, когда меня отчитывали, как маленькую. Ни моя мама, ни его...

— Мама. — сказала я печально. — Уже поздно. Ты опять из-за нас вернешься домой в первом часу. Давай, я вызову тебе такси?

Увы, мама мой маневр разгадала и с видом оскорбленной добродетели проговорила:

— Спасибо, Таня. Я доберусь сама. Ты права, поздно. А мне завтра рано вставать. Поеду на кладбище, могилку твоего отца навещу.

Я спросила с безнадежным видом:

— А с девочками не посидишь?

Мама с достоинством ответила:

— Справитесь сами. Все-таки, взрослые люди.

И ведь не поспоришь...

Мама ушла. А Слава как ни в чем не бывало спросил:

— Есть чего-нибудь поесть?

— А что, в боулинге не кормили? — огрызнулась я.

— Ну, давай еще ты начни... — проворчал он и собрался на кухню.

Но я преградила ему дорогу:

— Надо поговорить. Идем на балкон.

На балкон мы выходили, чтобы поругаться (дома тонкие перегородки), Слава это понял и попытался откосить:

— Давай, завтра?

Я молча взяла его за рукав и потащила в указанное место. Свободного места там, как раз, было немного, потому что две трети всего пространства занимала куча какого-то хлама, наваленного главой семьи. Доски, коробки, железки...

Плотно прикрыв за собой дверь, я строго сказала:

— Нам надо что-то делать. Девочки опять заболели. Я больше не могу брать больничные. Надо что-то придумать.

Пауза. Муж смотрел в сторону, видимо, дожидаясь, когда сеанс мозговыноса закончится, и он сможет вернуться к холодильнику.

— Слава! Я спрашиваю, что будем делать?

— Не знаю. — равнодушно ответил он.

Это прозвучало практически как «сама разберешься».

Я сказала, с трудом сдерживаясь:

— Это так и будет продолжаться? Я все время должна тащить все на себе?

Слава поморщился, потом недовольно проговорил:

— Давай, у каждого будет своя зона ответственности, хорошо? У тебя — дети. У меня — разные хозяйственные вопросы. Ну, починить, тяжелое передвинуть...

И тут у меня случился срыв. Или помутнение. Или наваждение...

Словом, я с остервенением начала расшвыривать в разные стороны хлам, собранный на балконе:

— Ах, ты по хозяйственным вопросам?! А это что такое?! А это?! Сколько раз я просила тебя это убрать?! На балконе шагу ступить нельзя!!! А это...

Я запнулась. Из какого-то непрозрачного пакета, который я извлекла из недр мусорной кучи, вывалилась... кость. Маленькая кость.

У меня в глазах потемнело. Хриплым от ярости голосом я спросила:

— Только не говори, что так и не выкинул кролика...

Муж нахмурился:

— Да я вроде выкидывал...

— Вроде?! — прохрипела я, встряхнув пакет. — Вроде?! Тогда какого черта он все еще здесь лежит?!

— Ты же говорила, что он был в синем пакете. — продолжал нелепо оправдываться Слава. — А этот черный...

— А заглянуть ты не додумался?!

— Ага! Ты, значит, боишься, а я должен рваться полуистлевший труп разглядывать?!

У меня слова закончились. Я просто задохнулась от полного одиночества и безысходности. И со всей накопившейся злости тряхнула пакет.

Он лопнул. На холодный бетонный пол выкатилась кость.

Пятерня. Маленькие белые пальчики.

Человеческие пальцы.

И тут раздался душераздирающий крик. Такой, что зазвенели стекла. Вопль взметнулся вверх и, пульсируя, затопил все пространство вокруг нас.

И я далеко не сразу поняла, что это кричу я сама.

* * *

«Думай о своем ребенке». Эта мантра должна была помочь мне пережить все тяготы беременности. Но она не помогла. Я просила реальной помощи, а на меня смотрели, как на раскапризничавшийся инкубатор, который плохо выполняет свои обязанности. Токсикоз? Это нормально! Ты же беременна. Лекарство от токсикоза? Нет, не слышали. Есть, правда, одно средство, но оно настолько вредное, что

применять его можно только в случае голодной смерти инкубатора. Ты еще не умираешь? Вот и нечего. То же самое про отеки: ешь меньше соли, больше стой на коленях. Изжога? Ешь морковь. Мутит от запахов? Убираться надо лучше! Сонливость? Ложись раньше. Право, ни одна женщина еще не умерла от своей беременности. А если это, наконец, случится, кто-нибудь додумается придумать лекарство, чтобы облегчить жизнь будущей матери? Или материнства в принципе не бывает без страданий и самопожертвования?»

* * *

Мумифицированный труп младенца. Пожилой эксперт сидел возле него на корточках. Еще два полицейских разбирали завалы балкона, пытаясь разыскать следы. Следователь Екатерина Николаева прислонилась к дверному косяку, и наблюдала за работой эксперта, стараясь не слишком вглядываться в тело жертвы:

— Можете сказать, сколько он тут пролежал?

— Нет, — мужчина поправил очки на носу, — Мумифицированные тела могут храниться неопределенно долго.

— А сколько времени нужно телу, чтобы дойти до такого состояния? — спросила Екатерина.

— В целом, от четырех до шести месяцев. Правда, были случаи, когда мумификация проходила всего за месяц. Также надо учитывать, что это младенец, а их тела больше подвержены подобному процессу, в связи с малым количеством подкожной клетчатки.

— Можете определить его возраст?

— Пока сложно сказать, но думаю, пара месяцев отроду.

— А... — Катя кашлянула, прочищая пересохшее горло. — Скажите, запах тела... осязаемый?

Эксперт задумчиво посмотрел на труп:

— Нерезкий. Похож на запах прогорклого сала.

Следователь почувствовала, как тошнота подступает к горлу, хотя, благодаря разделявшему их расстоянию, никаких запахов она не ощущала. Женщина задала следующий вопрос:

— Для мумификации нужны какие-то определенные условия?

— Желательна высокая температура.

— Могло это произойти прямо здесь?

— Не могу сказать. — пожал плечами мужчина. — Но вот в этот пакет тело переложили позже, уже после завершения процесса.

— Да? — заинтересовалась следователь. — Почему?

— На нем крупницы песка. Думаю, раньше тело было закопано в песке. Это хорошие условия для мумификации.

— А могло оно быть закопано в земле? — уточила Катя.

— Это возможно. Но песчаная почва подходит куда лучше.

Он снова занялся телом. Следователь отвела взгляд.

Возле окна, выходящего на балкон, стояли понятия — две соседки из соседних квартир. Они переговаривались шепотом, бросая на полицейских испуганные взгляды:

— Слышу, крики доносятся! И грохот какой-то, словно вещами швыряются. А потом, вопль. И на тебе...

— Ой, не говори! Даже не верится...

«Значит, соседи слышали крики и грохот». — отметила про себя следователь.

Она вернулась в комнату, где ее ждали хозяева квартиры. Мужчина — Вячеслав Сташевский, тридцать три года. Стоит, засунув руки в карманы джинсов, и нервно кусает губу. Судя по всему, ошарашен и пытается сообразить, чем ему все это грозит. Супруга — Татьяна Сташевская, двадцать семь лет. Сидит, глядя в одну точку. Лицо белое, синяки под глазами. Иногда чуть хмурит брови, словно пытается что-то

вспомнить. Похожа на человека с нервным истощением.

Екатерина обратилась к хозяину квартиры:

— Вы давно здесь живете?

— А... Восемь лет. — с готовностью ответил мужчина.

Катя сделала пометку в блокноте:

— Прежних хозяев знаете?

— Так это... Бабушка моя. Это наследство...

— Ясно. Бабушка жила здесь одна?

— Ага... Нет, мы ее навещали! — спохватился он.

Женщину это не интересовало, она задала новый вопрос:

— Давно вы живете вместе?

— Ээээ... — протянул мужчина и посмотрел на жену.

— Семь лет. — тихо ответила та, хотя ее взгляд по-прежнему был обращен внутрь себя.

— У вас есть дети?

— Да, две девочки. — ответил господин Сташевский.

— Сколько им?

Хозяин открыл было рот, потом запнулся на первом же слого и вновь бросил на жену беспомощный взгляд.

— Старшей — пять, младшей — два и три месяца. — ответила она.

— Вы живете вчетвером? — уточнила следователь.

— Да. К нам еще мама приходит. Мама. Наши. — сказал мужчина.

Екатерина воспользовалась случайно услышанной информацией:

— Соседи говорят, что слышали крики и шум. Вы ссорились?

Хозяин смешался:

— Нет... Мы... Нет. Мы просто решали, кому оставаться с детьми дома. Завтра.

— А что с ними? — быстро спросила Катя.

— Эээ... — и снова она вогнала Сташевского в состояние крайнего замешательства.

— Ротавирус. — ответила его супруга.

— Ясно. Расскажите, пожалуйста, как вы обнаружили тело?

Супруги явно занервничали, заговорила Татьяна:

— Я стала... разбирать вещи. И нашла пакет. Оттуда вывалилась... я подумала, что это кость. Кость кролика.

— Кролика? — переспросила следователь.

Хозяин торопливо пояснил:

— У нас кролик раньше жил. А когда жены дома не было, он... умер. Я сразу не заметил, а потом Таня его нашла. И убрала на балкон, чтобы девочки не видели. Я выбросил, только не сразу...

У нас мусоропровод не работал... Его закопать надо было...

«Оригинальная семейка», — отметила про себя Екатерина: «Держит трупы кроликов на балконе. С виду они, конечно, на убийц не похожи, но это не значит решительно ничего».

Вслух она сказала:

— Мы забираем тело на экспертизу. Вас попрошу не покидать пределы города, пока идет расследование. Я с вами еще свяжусь.

Глава 2

«Говорят, что первый взгляд, обращенный на новорожденного младенца, меняет все. Что именно в этот момент матери понимают, что безумно любят свое чадо и любили его всегда. Но со мной этого не случилось. Первое, что я почувствовала, едва разрешившись от бремени — тошнота. Она накатывала на меня волнами, а я судорожно глотала воздух. Во рту был противный горький привкус, ну да, я давно уже ничего не ела, значит, рвать будет желчью... И именно в этот момент акушерка решила показать мне ребенка. Нет, не показать. Пихнуть мне его чуть ли не в лицо со словами: «Мамаша! Смотрите на свою девочку». Содрогаясь от приступов тошноты, я послушно бросила взгляд на ребенка. Успела

заметить только, что она в каком-то странном белом налете. А потом началось это... БОЛЬ. «А!» — вскрикнула я, подпрыгивая на кресле. Врач, которая начала зашивать меня (почему-то без наркоза) засмеялась: «Это разве больно? Ты же двенадцать часов схваток выдержала и ни звука не издала! Разве тебе теперь может быть больно? Да потерпи, тут же всего два стежка». И снова кольнула меня иголкой по живому. Я вцепилась в поручни кресла. «За что?! Я же все делала правильно. Я не кричала, слушалась врачей, не жаловалась. За что вы меня так мучаете? У меня больше нет сил это терпеть». А недовольная моей реакцией акушерка снова пихнула мне ребенка в лицо: «Мамаша, смотрите на ребенка! И сразу про свою боль забудете». Это ложь. Я послушно смотрела на младенца, но боль никуда не исчезла».

* * *

Проблема с больничными разрешилась сама собой. Ибо утром Слава изъявил желание остаться дома. Удивительно. Не ожидала от него такого. Я была уверена, что он сбежит на работу. А, возможно, даже переедет ненадолго к матери. Мы такое уже проходили, когда родилась Варя с повышенным внутричерепным давлением. Я осталась одна с орущим младенцем и трехлеткой,

только-только начавшей осваивать истерики с лежанием на полу, а отец семейства сбежал к мамочке, восстанавливать нервы.

Ладно. Пора собираться на работу.

— Та-ань, а чем детей кормить? — раздался из кухни голос супруга.

— Каша в мультиварке. — сухо ответила я, нанося макияж.

Пауза, а потом муж в панике прокричал:

— А к ней хоть инструкция есть?!

— Не кричи, дети спят. Зачем тебе инструкция? Я все уже засыпала и ввела в программу. Она даже выключится сама. Надеюсь, ты по тарелкам разложить сможешь?

Судя по растерянному виду Славика, он в этом очень сомневался. Но мужественно кивнул. И сразу же задал новый вопрос:

— А где их одежда?

— В шкафу, естественно.

— Нет, Тань. — он перегородил мне дорогу. — Ты на стул вытащи. А то в шкафу же целые горы лежат!

Я отложила губную помаду и отправилась в детскую, где тихонько выложила на стул одежду на день.

— Тань, а...

— Тсс! — я приложила палец к губам и быстро вышла из комнаты со спящими детьми, прикрыв за собой дверь. — Сбавь голос на два тона.

— Да подожди ты со своим музыкальным слухом! — отмахнулся супруг. — Им в туалет надо детское сидение, да? Оно там?

— Нет.

— А где?

— Детское — не нужно. Лада и так справится, а Варя туалетом не пользуется.

— Как?! — ужаснулся Слава. — Она еще в памперсах?!

— В горшок. Вон стоит, не замечал?

— А... Это ее... А как же она в саду в туалет ходит?

— Слава, блин, в штаны! Ну что за дурацкие вопросы?

— А не пора ей уже, а? Она же большая!

— Зря стараешься. — хмыкнула я. — Попу ребенку все равно придется вытирать.

— Да я не...

— Слава, хочешь приучить Варю к унитазу, вперед! Кто тебе мешает?

Но, кажется, муж уже сдулся:

— Тань, а, может, не пойдешь сегодня на работу? Останься, а?

— Хочешь, чтобы меня уволили?

— Да из-за одного дня не уволят! Тем более, объяснишь нашу ситуацию...

— Слава, я полгода беру больничные по болезни детей. Если теперь работодатель узнает, что у меня труп ребенка на балконе, то он решит, что давал мне больничные зря!

— Тань, ну ты что?! — округлил глаза Слава. — Разве можно таким шутить?

— Слава, я ушла. — сухо ответила я. — И не разрешай детям сидеть за компьютером целый день. У них потом глаза дергаются.

— Тань, а...

Я не стала слушать очередной вопрос, взяла сумочку и покинула квартиру.

* * *

А на лавочке перед домом сидели бабки. Странно. Обычно они собираются много позже, когда на нашу сторону выходит солнце...

Как по команде пожилые женщины обернулись ко мне и смолкли.

Они знают. Конечно. «Понятые» уже все растрезвонили. Прекрасно. И как нам теперь жить в этом доме? Что, совсем нет никакой полицейской этики по данному вопросу? Презумпция невиновности? Ой, кого я обманываю. Эти бабки до сих пор обвиняют меня, что я «понарожала, а

воспитывать не умею». Что-то теперь будет, после того, как на моем балконе нашли труп?

«Тань, ну ты что?! Разве можно таким шутить?» — вспомнились мне слова мужа.

Я прислушалась к себе. Есть во мне хоть капля сожаления?

Не-а. Никаких капель во мне нет. Во мне вообще ничего нет. Я только внешне на человека похожа, а внутри пустая, как кукла из папье-маше.

Ну а дальше начался обычный квест по доставке меня на работу. Сначала стоя в маршрутке (сидячие места закончились задолго до того, как она подъехала к остановке), потом беря штурмом вагон метро (поезда следуют с увеличенным интервалом) и, наконец, дойти до нашего офиса через перекопанную улицу. Но сегодня все это не вызывало у меня раздражения. Наоборот. Позволяло не думать. Я просто механически брела по давно выученному маршруту.

* * *

— Таня! Ты пришла! — удивилась Лара.

— Пришла. А что?

— А... — коллега замялась, потом вполголоса ответила. — Да тут Суздальский всем рассказывал, что ты опять дома засела.

Я всполошилась:

— Клопик слышал?!

— Нет, его самого еще нет.

— Фуф.

Значит, я вовремя явилась. А иначе, Суздальский мог перетянуть на себя одеяло. И не надоело ему под меня копать? У него же своих клиентов полно, куда ему еще?

Но не успела я расположиться за рабочим столом, как зазвонил мобильный.

Мама.

Я ответила:

— Алло.

— Таня! Я все знаю!!!

— Ой, мам, подожди... — я начала выбираться из кресла, но Лара меня остановила, жестом показав, что она сама выйдет. — Да, мам, что?

— Элеонора Борисовна мне все рассказала! — трагическим шепотом провозгласила мама и добавила, всхлипнув. — Про ТРУП.

Проклятье.

Ну, и кого мне убивать в первую очередь? Болтливую свекровь или ее разговорчивого сыночка? Ну, какого черта надо было рассказывать об этом своей матери?! Скучно стало?!

Однако от этих мыслей меня отвлекла собственная мать и ее обличительный пафос:

— Таня, как ты могла?!

— Что?

— Как ты могла так со мной поступить?!

— Мам, я не...

— Таня, ты же знаешь, что у меня больное сердце! Как ты можешь быть такой эгоисткой?!

— Мам, я не понимаю...

— А ты о семье подумала? О девочках? О муже, о его репутации на работе?

Тут я не выдержала и гаркнула:

— Мать!!! Ты что, решила, что это я его убила, а труп на балконе оставила?!

— Татьяна! Не смей повышать голос! — заорала в ответ мама. — И если бы ты не была такой эгоисткой, то не стала бы ворошить это дело!

— Чего?!

— Таня, *оно* сколько лет там пролежало? И никто его не хватился! Вот на кой черт тебе понадобилось вызывать милицию?! — я услышала, как мама в досаде топает ногой.

— Мама, ты в своем уме? А какой у меня был выбор?

Родительница понизила голос до громкого шепота:

— Выбросить его к чертовой матери на свалку! У тебя семья! Ты в первую очередь мать и должна думать о своих детях!

Я молча нажала на «отбой».

Дурдом какой-то...

Пойду, лицо сполосну...

Я подошла к двери и быстро вышла из кабинета. И едва не прибила Лару, которая как раз собиралась входить:

— Ой, извини!

— Да ничего, я сама виновата. Я слышу, что тишина за дверью, и стою, думаю, ты уже поговорила или просто слушаешь? Вот чуть и не словила дверью по лбу. — она улыбнулась и участливо спросила. — А у тебя все в порядке?

— Да. Вроде того.

По крайней мере, хуже уже не будет. Труп у нас уже есть, а куда уж хуже?

— Тань, когда вернешься, обсудим пару моментов в т.з., ладно? — заискивающе попросила коллега.

— Да, конечно... — рассеянно проговорила я. День обещал быть долгим.

* * *

Следователь Екатерина Николаева взялась за опрос соседей, с целью составить мнение о семье Сташевских. Начала она с соседней квартиры. Там также обитала семенная пара с маленьким ребенком: Лучанские Богдан и Жанна, а также их грудная дочка Софийка.

— Вы давно здесь живете? — первым делом спросила Катя.

— Пять лет. — ответил хозяин.

Следователь отметила, что квартира в прекрасном состоянии, и не скажешь, что хрущевка. Здесь явно была перепланировка и солидный ремонт. Впечатлял также и балкон, смежный со злополучным балконом Сташевских. Только этот благоустроенный, застекленный, утепленный, с выступом. Хозяева разводили на нем цветы и травы. Катя узнала мяту, Melissa, укроп, петрушку и кинзу. От соседей их отделяла прочная кирпичная кладка — перегородка, которую Екатерина заметила еще в прошлый раз.

— Как у вас уютно. — сказала она. — Сами ремонт делали?

Жанна с гордостью посмотрела на супруга, а тот заметно смутился:

— Да что там делать-то...

— Ну, это вы скромничаете. Вы строитель?

— Да какое там... Были б руки, а остальное приложится!

— А кем работаете?

Тут хозяин еще больше смутился. Возможно, оформление его предпринимательской деятельности заинтересовало бы налоговую инспекцию. Но Катя пришла не за этим:

— У вас ремонтная бригада? — догадалась она.

— Да... Шабашим...

— Ясно. Что вы можете сказать о соседях?

Супруги переглянулись. Начала Жанна:

— Таня очень милая и вежливая. Она несколько раз оставалась с Софийкой, когда мне надо было в поликлинику сбегать. Мы раньше часто вместе на площадке гуляли, а потом Таня на работу вышла...

— А ее супруг?

Богдан замялся:

— Да ничего... Мы не часто пересекаемся. Так, было один раз, когда переехали...

— Что было? — уточнила следователь.

— Ну, мы же ремонт затеяли. Шум, грязь, сами понимаете. И... кажется, он был недоволен.

— А в чем это выразалось?

— Ну, я его попросил... Вещи там надо было передвинуть, а он все тянул... — он снова замолчал.

Закончила его супруга:

— А потом к нам участковый пришел, документы проверять. Мы тогда только переехали, оформлялись еще... Сами понимаете, какие в миграционных службах очереди.

— Вы думаете, что он на вас пожаловался?

— Нет! — быстро сказал Богдан. — Мы не думаем. Просто так совпало. Только мы с ним немного... на повышенных тонах, а на следующий день, раз, и участковый пришел.

— Понятно. — Екатерина сделала пометку в блокноте, затем обратилась к Жанне. — Скажите, а вы часто видите Татьяну с детьми?

Та с сожалением покачала головой:

— У нас у детей очень возраст разный. Мы раньше пересекались: я с коляской на площадку приду, на лавочке посидеть, а там Таня с Варей. Мы парой слов перекидывались. А потом Варенька в садик пошла, а Таня на работу.

— Давно?

— Да с полгода...

Эта информация совпадала с той, которую озвучила сама Сташевская. Катя задала новый вопрос:

— А старшую девочку вы часто видели?

— Да. Таня ее раньше сразу после обеда забирала.

— Как вы можете охарактеризовать Татьяну?

Жанна испуганно на нее посмотрела:

— Хорошо. Она очень интеллигентная, вежливая, не скандальная... Детей любит.

— А ее супруга?

— Он... — оба супруга замялись, потом глава семьи осторожно продолжил. — Мы редко встречались.

«Боятся они его. Интересно. Неужели только из-за доноса в миграционную службу?».

* * *

Также Екатерина должна была опросить соседей снизу, живущих непосредственно под Сташевскими. Следователь опасалась, что никого не застанет, так на часах едва перевалило за полдень. Однако она ошиблась. Именно в этой квартире ее ждал аншлаг — три старушки, с любопытством разглядывающие ее через щелку двери, приоткрытой на цепочку.

— Добрый день. Следователь Николаева Екатерина Андреевна...

— Документы! — тут же выпалила одна из женщин.

Катя спокойно протянула ей удостоверение, а сама принялась разглядывать требовательную даму, так как догадалась, что это и есть хозяйка квартиры.

Около шестидесяти лет. Волосы крашены хной. Упрямо поджатые губы, суровый прищур, уверенные, волевые движения...

Это определенно гроза всего двора.

— Все нормально. — резюмировала хозяйка. — Входите. А то, знаете, в новостях показывали, как приходят милицейские, якобы, мошенников ловить, а сами квартиру хозяина на себя переписывают... Кстати, нам тут все время какие-то мошенники звонят! Говорят, истек срок проверки счетчиков, а на самом деле...

Екатерина резко перебила ее:

— Кто хозяин квартиры?

— Я! — тут же вытянулась в струнку женщина. — Валентиной Петровной звать.

— А вы? — следовательно посмотрела на двух других женщин.

Хозяйка ответила за них:

— Это Марья Васильевна с третьего и Вера Алексеевна с первого.

Катя прикинула и решила, что можно опросить всех разом:

— Могу я с вами побеседовать?

Глаза у Валентины Петровны хищно загорелись, она пригласила Екатерину на кухню:

— Проходите. Мы тут чаевничаем. А... вы насчет таджиков из первой?

— Да-да! — обрадовалась Вера Алексеевна. — Я сколько жалуясь на них! От них грязь, вонь! И оформлены на работу нелегально!

— А кем они работают? — спросила следователь.

— Дворниками! — отрапортовала хозяйка.

— По-моему, у вас во дворе хорошо убрано. — заметила Екатерина.

— Убрано-то хорошо. — согласились женщины. — Но нужно ведь порядок соблюдать!

Следователь открыла блокнот и сказала:

— Я по другому вопросу. По поводу ваших соседей, Сташевских.

Старушки засветились от радости, видимо, тема была подобрана удачно. На злобу дня.

— Что вы можете о них сказать?

Первой, захлебываясь от переполнявших ее чувств, заговорила Мария Васильевна:

— А то, что они свинарник устроили! Неудивительно, что труп на балконе нашли!

Катя перебила ее:

— Где устроили?

— Они мусоропровод пачкают! Выбрасывают мусор без пакетов, весь ковш заляпан! Одно слово — свиньи! — с удовольствием констатировала хозяйка квартиры.

Екатерина про себя заметила, что кухня старушки совершенно не свидетельствовала о ее любви к чистоте. Повсюду горы посуды, какие-то пакеты и пакетики, вокруг которых кружили маленькие черные мошки, а рядом стоят многочисленные розетки и плошки с засохшим вареньем...

Она задала более конкретный вопрос:

— Что вы можете сказать о Татьяне?

Валентина Петровна радостно вскинулась:

— Да проститутка она!

Следователь опешила. Нет, она, конечно, понимала, что отзыв будет нелестный, но подобных выражений не ожидала.

— И... в чем это выражается?

— Так она брюхатая была, пузо на нос не налезает, а все туда же! Кольцо сняла с пальца и ходит, задницей вертит!

— Кольцо... — повторила Катя. — Отеки, наверное... Ну, а про их семью в целом, что можете сказать?

Хозяйка понизила голос:

— Чем-то незаконным они занимаются!

— Вот как?

— Да! В два часа ночи свет включают!

«Интересно, что надо делать, чтобы заметить, что у соседей в два часа ночи свет включен?».

А женщина продолжала:

— Жгут свет, а платить нам!

— Почему вам? — спросила Екатерина, просто чтобы поддержать разговор.

— А нам за всех накручивают! За таджиков, за тех, кто снимает незаконно...

— У вас есть какие-нибудь жалобы на Сташевских?

— Так вот же, свет жгут ночью! Спать мешают! Он в моих окнах отражается и лепит мне в глаза!

Следователь не стала уточнять, как свет может отражаться в окнах Валентины Петровны, если Сташевские живут прямо над ней.

Она спросила о другом:

— Вы их дочек часто видите?

И по реакции подруг сразу поняла, что часто.

— Конечно, девки ее невоспитанные, не здороваются, лазают везде...

— Скажите, а как бы вы охарактеризовали Татьяну как мать?

— Понарожала, а воспитывать не умеет! — не задумываясь, ответила хозяйка.

— А вы считаете, Татьяна строга с детьми? Часто их ругает, возможно, шлепает?

— Да какое там! Ее девки чего только не вытворяют: на коленках ползают, одуванчики рвут, с горки на заднице съезжают, а этой хоть бы хны! Стоит и ушами хлопает. Дождется, что они ей принесут в подоле!

— А про Вячеслава что скажете?

— Грубый и невоспитанный! Никогда не здоровается! Матом мне ответил!

— Да?

Ее товарки подтвердили:

— Да-да! Валя ему: «Да чтоб ты провалился, проклятый!». А он ей: «И вам туда же!». Ну, разве ж можно так говорить про пожилую женщину? Мы жизнь прожили! Детей подняли, внуков воспитываем! А он... Эх, молодежь пошла, наглая!

Следователь задала последний интересующий ее вопрос:

— А с их соседями вы знакомы, с Лучанскими?

Старушки закивали:

— Да, конечно. Жанка раньше стройная была, красивая, а как родила, так растолстела как бочка!

Катя задала свой вопрос:

— Вы не знаете, что у них вышло со Сташевским?

Подруги нахмурились. Видимо, конфликт не слишком афишировали...

Тут Вера Алексеевна воскликнула:

— Так он же его с лестницы спустил! Славка этот. Да-да, прямо с ихнего этажа. Я ему говорю, ты что, он же тихий, божий человек! А Славка мне: «Сектант он».

«Богдан — сектант?».

Но не успела Екатерина задать вопрос, как женщину перебила хозяйка квартиры:

— Мань, ты чего? Совсем из ума выжила? Это ж про старого жильца, Жорку!

— Ах, ну да...

— Старый, это тот, который жил до Лучанских? — уточнила следователь.

— Да, тихий такой мужчина, неконфликтный. В церковь ходил с нами. А этот, напал на него! Христа на него нет.

Тут раздался щелчок, и старенький пузатый телевизор сам по себе включился.

— Ох, простите! — засуетилась хозяйка. — У нас таймер стоит, чтоб сериал не пропустить. Про женщину, которую муж бросил, да еще и долги повесил, а теперь на нее бандиты охотятся. Вы смотрите?

— Нет. — вежливо улыбнулась Катя.

Она заметила, что старушки заерзали, и поняла, что визит пора заканчивать.

Впрочем, кое-что она сегодня выяснила. У Вячеслава, оказывается, сложный характер. А ведь так и не скажешь.

* * *

Я, как могла, оттягивала момент возвращения домой. Сначала зашла в Сбер и заплатила за квартиру через терминал. Потом отправилась в аптеку за бепантеном, перекисью и пластырями (самые ходовые товары в нашей аптечке). Далее зарулила на рынок, прикупила девочкам носков, трусов и носовых платков. Потом зашла в магазин,

где по акции приобрела подсолнечное масло по симпатичной цене и виноград без косточек. Ну и под конец, доплелась до крупного гипермаркета, где сегодня была скидка на молоко и детские творожки. Там еще хлеба закупила. На этом руки закончились, и пришлось плестись домой.

А возле подъезда мне предстояло пройти через строй. Ибо в это время, когда все нормальные люди (исключая меня) торопятся вернуться в свою квартиру, наше старшее поколение столпилось возле входа и что-то взволнованно обсуждало. Причем именно у входной двери, заняв все пространство крыльца. Нет, ну что им там, медом помазано? Чего б не отойти подальше? На другой конец улицы, например...

Завидев меня, группа пенсионеров сплотилась, шепот усилился настолько, что до меня донеслись отдельные слова: «Милиция приходила... Спрашивали... Аморальное... Юстиция... Срок дадут... А детей в детдом...».

Я уверенно подняла голову и молча прошла мимо них в подъезд.

А в спину мне немедленно донеслось:
— Даже не здороваются!

* * *

Дома я ничего хорошего не ждала, но сильно ошиблась. Ко мне немедленно выбежали девочки, вполне довольные жизнью. Видимых синяков или ссадин не наблюдалось.

— Мама!

— Мама пришла!

— Привет, привет...

С кухни вышел Слава:

— О, мама пришла. Мы тебя ждем-ждем...

Давай сумки.

Я передала ему пакеты и стала разуваться, а муж погнал девочек в ванную:

— Бегом руки мыть! Сейчас ужинать будем.

— О. Какой сервис. — заметила я.

— На самом деле это жареная картошка и... А что там за мясо было в холодильнике, замороженное?

— Куриное филе.

— А... Ну, Слава Богу! А то я переживал, что посыпал рыбу специями для плова.

Я не удержалась и фыркнула, а супруг обрадовался:

— Ура! Заулыбалась. А то такая грустная была.

Я нехотя ответила:

— Там на улице... эти. Кстати, как вы сегодня погуляли?